

Шпионское нашествие



1.

Заросшая тропа вилась вдоль ручья. Странного вида человек пружинисто ступал по ней, сбивая на ходу оранжевые головки одуванчиков. По всему виду человек этот был не здешним. Зелёный комбинезон на нём был вымазан сажей, левый ботинок местами обуглился, ну а рукавицы, что болтались на привязи сбоку и вовсе казались в июньское утро нелепостью.

Появление незнакомца не осталось незамеченным. Шум в лесополосе привлёк внимание Константина, мало того не обременённого заботами

наступившего дня. Телега была запряжена, и он вскорости оказался у ручья. Константин представлял собою худощавого субъекта небольшого роста, весьма подвижного, вся кипучая энергия которого обычно уходила на манер паровозного гудка — в никуда. Он вовсе не трудился все дни и ночи напролёт. Достичь умственной мощи и сделаться владыкой собственной жизни не было его целью. Дни его истекали в потёмках. Когда незнакомец приблизился к нему, он лениво окинул его взглядом тусклых глаз и равнодушно отвернулся. Его внимание занимал желтоватый дымок, что поднимался в отдалении над деревьями.

Но связать его неожиданное появление с человеком, вышедшим из зарослей, ему на ум не приходило.

— Любезный, — донеслось до его уха, как только с телегой поравнялся явившийся из чащи, — что за местность расположена окрест?

— Чё?

В серых глазах незнакомца мелькнуло удивление. Быстро сообразив, что пробиться сквозь толщу Костиного невежества сходу не удастся, он двинулся дальше. Константин на некоторое время в сомнении задумался, то ли ему срочно уведомить уполномоченного от «органов» младшего лейтенанта Ковальчука о появлении подозрительного типа, то ли сначала разузнать причину возникновения ядовитого дыма. Он колебался, да и любопытство тянуло в лесок. Костя издал губами цокающий звук, и кобылка понуро тронулась, а телега заскрипела всеми своими частями. Оказавшись в прохладе под сенью деревьев, он почувствовал смрад жжённой резины, тлеющей шерсти и ещё чего-то незнакомого, но чрезвычайно отвратного. Через несколько метров он увидел поломанный кустарник орешника, среди которого лежала раскуроченная серебристая конструкция непонятного назначения. Именно из её недр исходило зловоние. Зажав пальцами нос, Константин подошёл к обломкам, зачем-то несколько раз пнул их и заспешил прочь. Сомнений в том кто такой этот тип у него уже не оставалось.

Тропа вела в Дубовку. Это было довольно крупное приазовское село, в котором, по решению властей, было организовано производство матрасов, швейных иглол и ещё какой-то механической несурзадности. Так решалось приращение пролетариата — главной опоры руководящих товарищей — на крестьянской почве. Теоретикам политического устройства было невдомёк, что кроме гегемона нужны были и те, кто кормил бы его. Да и гегемон из крестьян большей частью получался так себе.

В пяти верстах от Дубовки имелся железнодорожный тупик, громко

именуемый станцией Новая Жизнь. Время от времени с того тупика доносился гудок маневрового паровоза. Но случалось это не часто. Обычно окрестности пребывали в захолустной тиши.

— Гражданин хороший! — деланно бодро крикнул Константин, нагнав незнакомца. — Одиннадцатым номером пользоваться не с руки. Садись, что ль.

— Одиннадцатым номером?

— Гм. В смысле пешком, на ходульках своих, — смешался Костя, ещё более утверждаясь в своих подозрениях.

— Ну что ж, охотно. Знаете ли, весьма продолжительное время пребывал в обездвиженном состоянии, и теперь при ходьбе возникло некоторое неудобство. Физиология организма требует несколько времени на адаптацию. Да и в воздухе изрядно кислорода.

— Угу, — отозвался Костя. — Я тебя к Ковальчуку свезу, он поправит, если чего не так.

Телега дотасилась к избе, над входом которой висел выцветший красный флажок. По крыльцу бродила курица, высматривая между досок пропитание. Однако Костя прервал поиски птицы, ловко пнув её, отчего она взмыла в воздух, кудахча. Костя с удовольствием проследил за полётом, сплюнул сквозь шершину, сказал:

— Прибыли.

Миновав сени, странный незнакомец оказался в светёлке. У окна стоял грубой работы дощатый стол с телефоном фирмы «Телефункен». На номеронабирателе проглядывался не до конца затёртый орёл со свастикой. За столом сидел военный и что-то старательно выводил пером в формуляре. Позади него на стене красовался засиженный мухами портрет. На портрете был изображён некто с внушительным носом и усами. Изображенный был облачён в добротный серый френч офицерского покроя. Под портретом на гвозде висел автомат ППШ.

— Вот, Петрович, подозрительного привёл. Не иначе как американский шпион.

Офицер поднял глаза и в них, доселе холодных, блеснула жизнь. Вялое лицо его с выражением сомнения сделалось подвижным. С утра, как обычно, он имел случай откусать рюмку, и вот по прошествии времени фальшивая сила покидала его. Члены отяжелели, клонило в сон. Однако теперь предстояла тонкая психологическая игра. В предвкушении её Ковальчук почувствовал прилив бодрости.

В начале тридцатых, когда кроме похвалы собственными большими делами возникла нужда у «трудящихся масс» в пропитании, прокатилась волна раскулачивания. Тогда Ковальчук большую часть времени проводил под столом за малостью лет. Но не взирая на слаборазвитый ум память цепко удерживала с тех пор событие, поделившее для него всё живое на дичь и охотников. Ушли годы, но суета, обычно степенного деда, закапывающего в огороде швейную машинку «Зингер» и полные ужаса глаза несчастной матери, сжигающей в печи Библию, ему хорошо запомнились. Этот страх родных до сего времени кожей ощущался им. Впрочем, подвыпившие ЧОН-овцы в дрянных суконных шинелишках произвели тогда на него значительно большее впечатление. Вдруг стало ясно за кем сила, власть, будущее наконец, а кому предстоит прозябать в страхе и далеко не сытой жизни. После действительной службы перед войной сомнений в выборе пути не было, и сделан он был вовремя. Ему не пришлось побывать на передовой. Годы страшной войны он провёл в заградительных отрядах...

— Разберёмся. Документики, гражданин, — голосом, не предвещающим скорой развязки дела, произнёс Ковальчук.

— Видите ли, сударь, случилась неприятность. Буду краток. Произошло редкое, но всё ещё имеющее быть событие. Потеря потенциала...

В форточку влетела оса. Говоривший осёкся. В кабинете нависла напряжённая тишина. Три пары глаз внимательно следили за жёлто-полосатой бестией. Лето в Дубовке выпало странным. Кроме несметного количе-

ства ос лачуги селян одолевали полчища муравьёв. Ковальчук даже отправлял в район записку о постигшей напасти, но наверху её не заметили.

— Самолёт у него, — прервал затянувшееся молчание Костя и выложил на стол кусок металла. Это была какая-то деталь в виде квадрата со стороной не более сантиметра и толщиной с миллиметр. Зеркально гладкая она поблёскивала иссиня-чёрной поверхностью, отражая солнечные лучи, пробивающиеся сквозь марлевую занавесь. — В лесу подобрал.

— Тяжёлая какая, — отозвался уполномоченный, взяв её в ладонь. — Цель прибытия в Советский Союз, связи, явки, адреса, пароли.

— Сударь, вы меня не так поняли...

— Отставить старорежимные словечки! Ты что же, гад, из белоэмигрантов будешь?

— Су..., ох, простите. Я плохо знаком с историей вашего края. Область моих занятий не простирается так далеко. Моя задача сводилась лишь к исследованию возможности использования шапки Северного полюса для организации пионерного посёлка. Однако системы пилотирования моего разведывательного снаряда повели себя не штатно сразу же после прохождения слоя Хевисайда, как вы его называете.

— Хевисайда — это резидент? Гм, так вы и на японскую разведку работаете? Бога-а-а-то... Итак, ваше имя! — из стопки казённой бумаги был извлечен особый бланк — анкета. Замелькали вопросы о социальном происхождении, сословной принадлежности и проч., что так всегда интересуют специальное ведомство.

Задержанный с тоской глянул в окно. Какая пропасть меж ним и этими двумя! Мыслимо ли понять им друг друга. Однако надо было что-то предпринимать. С этой публикой не договориться.

— К учителю он шёл, фашистская морда! — донёсся уверенный Костин голос. — Я давно приметил, что Попов — учитель физики — враг народа.

— Ты ври, да не завирайся, — острожно отозвался Ковальчук.

— Как же — ври! Вот зачем он приполз к себе в сарай церковный купол, что мы в прошлом году сломали? Не иначе тайно культ справлять и маленьких недоумков совращать мракобесием. До чего шельмец додумался. Аккумулятор называет элементом Планте. Батарейка, слышь, обыкновенная для карманного фонаря у него элемент Даниеля. А ведь всем известно, что аккумулятор изобретён нашим учёным. Вот позабыл его фамилию.

— Мичуриным, — подсказал Ковальчук.

— Во-во! Им самым.

— А зачем он к учителю шёл?

— Известное дело! — Костина фантазия разыгралась. — Диверсию свершить на матрасной фабрике.

Шпионская версия начинала выстраиваться в правдоподобную историю. Это радовало. За такого шутика руководство медалью не ограничится, здесь орденом попахивает. Да пора и на повышение, в район.

Рука офицера потянулась к телефону. Но в ту же минуту задержанный схватил детальку со стола, толкнул Костю и кинулся вон. Субтильный помощник «органов» налетел на стол. На пол посыпались незаполненный формуляр, чернильница и телефон. Только трубка осталась в руке Ковальчука. А между тем незнакомец уже был на крыльце. Мгновение спустя, перемахнув через плетень, он нёсся по пыльной улице. Но Ковальчук не дремал. Вслед полетели пули. К счастью ни одна из них не задела беглеца. Вскоре он вновь оказался у ручья, и теперь путь его лежал к месту, что было покинуто им час назад. Скрывшись в лесочке, он приступил к поискам потерявшего аварию снаряда. Дымок иссяк, и найти обломки оказалось делом не простым. Наконец он наткнулся на них. Все они лежали кучно в небольшой воронке. Искорёженный металл уже успел остыть. Впрочем, пожара как такового и не было. В воздухе во время полёта вспыхнуло слева под ногой, где располагалось устройство, обеспечивающее эквипотенциальное электрическое поле внешней оболочки летатель-

ного аппарата. Тогда же и начались проблемы, но пожар был локализован. Атмосферное электричество привело к нестабильности полёта, и снаряд произвёл очень жёсткую посадку, разогревшись при стремительном приземлении. Но всё же посадку, не падение, и оставалась надежда отыскать невредимым сердце корабля, его двигатель.

Облепленный отполированными квадратными пластинами, он представлял собою куб с ребром в десять сантиметров. На одной из сторон не хватало пластинки, но она была зажата в потной ладони пришельца. Куб оказался тяжёлым, и нести его было неудобно. Но следовало спешить. Со стороны ручья уже слышались особого рода русские словечки уполномоченного.

2.

Сквозь щели дощатых стен пробивались предрассветные сумерки. В отдалении надрывался петух. Зарождалось утро. Пришелец приподнялся со скамьи, и чуть было не охнул от ломоты в боках. Струганная доска не лучшее ложе. Только теперь беглец осмотрелся. Накануне, спасаясь от Ковальчука, он забежал в этот сарай, где за кучей хлама и небольшой церковной маковкой нашёл себе убежище. Уполномоченный не сунулся сюда. Возле обломков разрушенного снаряда он оставил Костю сторожить вещи, а сам кинулся поближе к телефону — доложить по начальству и получить инструкции.

Сарай больше походил на физическую лабораторию и слесарную мастерскую одновременно. Здесь были верстак и токарный станок. На полках стояли измерительные приборы и устройство для дуговой сварки. В деревянной коробке в соломе рядком лежали электронные лампы. Тут же располагались бутылки с электролитом и бобины медного провода. И ещё много чего было в этом сарае, что могло бы заинтересовать любителя на досуге заняться изобретательством. Одним

словом было видно, что здешний хозяин не допускал к себе праздности.

За стеною слышалась тяжёлая поступь и кашель старого курильщика. Дверь отворилась, и на пороге предстал лохматый человек с папирой в зубах. Спросонья ещё плохо соображающий, он ошалело уставился на непрошенного гостя. Рука машинально потянулась к лопате прислонённой к косяку. Некоторое время они изучали друг друга. Первым пришёл в себя пришелец.

— Прошу покорно, сударь, не удивляться столь раннему визиту. Дело в том, что я вынужден был силою злого рока посетить сии благословенные места. Но отчего-то начальство восприняло моё появление злостным предприятием. А я вовсе не хотел, чтобы обо мне тут сложилось превратное мнение. Жители...

— Это за тобой вчера Ковальчук गया? — перебил хозяин.

— За мною. Надо полагать вы враг народа и учитель физики Попов? — в свою очередь спросил пришелец. — Судя по обстановке вам не чужд исследовательский дух. Да, тайны природы увлекают пылкий ум, водят его по лабиринтам мироздания и, в конечном счёте, низвергают до понимания тщеты столь сладостного порыва усвоения многознания. Но многознание, как говорили в древности, не есть многоумие.

— Так-так, — учитель подошёл ближе к пришельцу, но заступ из руки не выпустил. — Откуда родом будете?

— О, в вашем осторожном вопросе чувствуется мысль. В моём положении быть шпионом весьма не полезно для осуществления миссии. Я издалека. Вряд ли нам стоит углубляться в эту материю. Во всяком случае, не сейчас. Учитель! Только вы можете помочь мне.

— Охотно. Но согласитесь, что прежде следовало бы ознакомиться с вашими намерениями. Быть может, в США такая осторожность покажется излишней, но в Дубовке, напичканной стратегическими предприятиями, она оправдана. Эта ваша манера говорить... Она настораживает.

— Да, вы правы. Все наши замыслы насмарку! Ведь на то он и разведчик, чтобы оставаться инкогнито, а тут... Видите ли, аборигены, сиречь человечество, тяжко заблуждаются полагая течение биоценоза бесконечным. Вопреки логике люди думают, что всё это, — пришелец повёл рукой, — вечно. Не следовало бы забывать о скоротечности пребывания в мире. Согласитесь, ведь какой-нибудь десяток миллионов лет назад природа и не помышляла о человечестве, так отчего же она должна озаботиться пребыванием его спустя ещё десяток миллионов. Впрочем, люди особые существа. Им даже не удастся использовать весь отмеренный ресурс. Суть людская такова, что все вы значительно скорее перережете друг другу глотки. Пяти лет не прошло после очередного тому подтверждения — войны. Что касается моего синтаксиса, то здесь недоработка оператора. В мой словарный запас не были введёны современные особенности языка, он ограничен его основами пятидесятилетней давности.

— Вы не человек?

— Скажем, гуманоид. Но семья наша одно. Из одного материала деланы и вы и мы.

— Чем же я могу помочь?

— О, это не сложно. Мне необходима небольшая камера, на поверхности которой можно было бы создать положительный потенциал не менее ста киловольт. И тогда я бы смог поднять её в воздух и, свободно паря, переместить себя к месту назначения. Не так быстро и с меньшим комфортом, но всё же. Для вас не станет неожиданностью утверждение о том, что окружающий мир соткан из электромагнитных полей. Спектр их широк, от гамма-излучений до радиоволн. Всё что видимо и невидимо нами есть проявление их. Создав же заряд, я смогу переместить его по замысловатой кривой в направлении меньших потенциалов. Таким образом, цель будет достигнута, и я окажусь, наконец, на полюсе.

Попов задумался. Как просто! Ведь работа, свершаемая зарядом-

капсулой, — это всего лишь произведение разности потенциалов на заряд. Перед его мысленным взором уже стояла такая камера в виде небольшого церковного купола покрытого медными листами. Этакий ион исполинских размеров. Не составляло труда собрать устройство, напоминающее обычный генератор Ван-де-Граафа, где роль фарадеева цилиндра отводилась сфере, предусмотрительно им подобранной из разорённой церкви. Однако трудность состояла в обеспечении поступления заряда во время полёта. Словно угадав его мысли, гуманоид добавил:

— Потенциал мне нужен только в момент первоначального движения. Остальное завершит вот это, — он показал на чёрный куб, к которому уже успел приделать оторвавшуюся квадратную пластину.

— Тогда за дело! — с энтузиазмом воскликнул Попов.

К вечеру аппарат был собран. Увлечённый работой Попов не обратил внимания на появление в селе бронетранспортёра и машин, набитых автоматчиками. За стенами его лаборатории текла пустая суета. Пришелец внимательно наблюдал в щель между досок за развитием событий. Он с опаской поглядывал на бегающих солдат и с тоскою вверх. Там, за небосводом, в черной пустоте возле Сатурна болталась ферритовая махина станции. Вынырнув в Солнечной системе из магнитного рукава-перехода, она впитывала космическую энергию, дабы иметь возможность движения. Оператор ждал сигнала о готовности площадки на полюсе. И тогда...

— Ну, брат по разуму, дело сделано! — обтирая ветхою ладони, возвысил голос Попов. Уже несколько часов фарадеева клеть вбирала в себя поступающие заряды через бронзовую кисточку от электрической машины, равномерно распределяя их по сфере. Впрочем не совсем равномерно. Наверху, там, где раньше крепился крест, образовалась едва заметная выпуклость. Над ней сияла корона, и слышалось потрескивание расширяющегося воздуха. В помещении сде-

лалось необычайно прозрачно. Пыль, увлекаемая отрицательными ионами, сконцентрировалась вблизи маковки. Воздух очистился, и дышать им было приятно.

— Тише, — прошипел гуманоид.

Только теперь Попов обнаружил, что необычный гость устроил себе наблюдательный пункт и услышал команды военных с улицы.

— Я хотел сказать, что можно начинать, — переходя на шёпот, отозвался учитель. Что-то мелькнуло в его голове, зародив подозрение. Утром, захваченный решением столь интересной проблемы, он не задавался этим вопросом. Но теперь следовало бы спросить. — Скажите, а какова цель вашего посещения?

— Я разве не говорил вам, сударь? Ах, да! Это было в другом месте, — пришелец влез внутрь сферы, расположил куб под ступнёй левой ноги и скомандовал: — Открыть ворота!

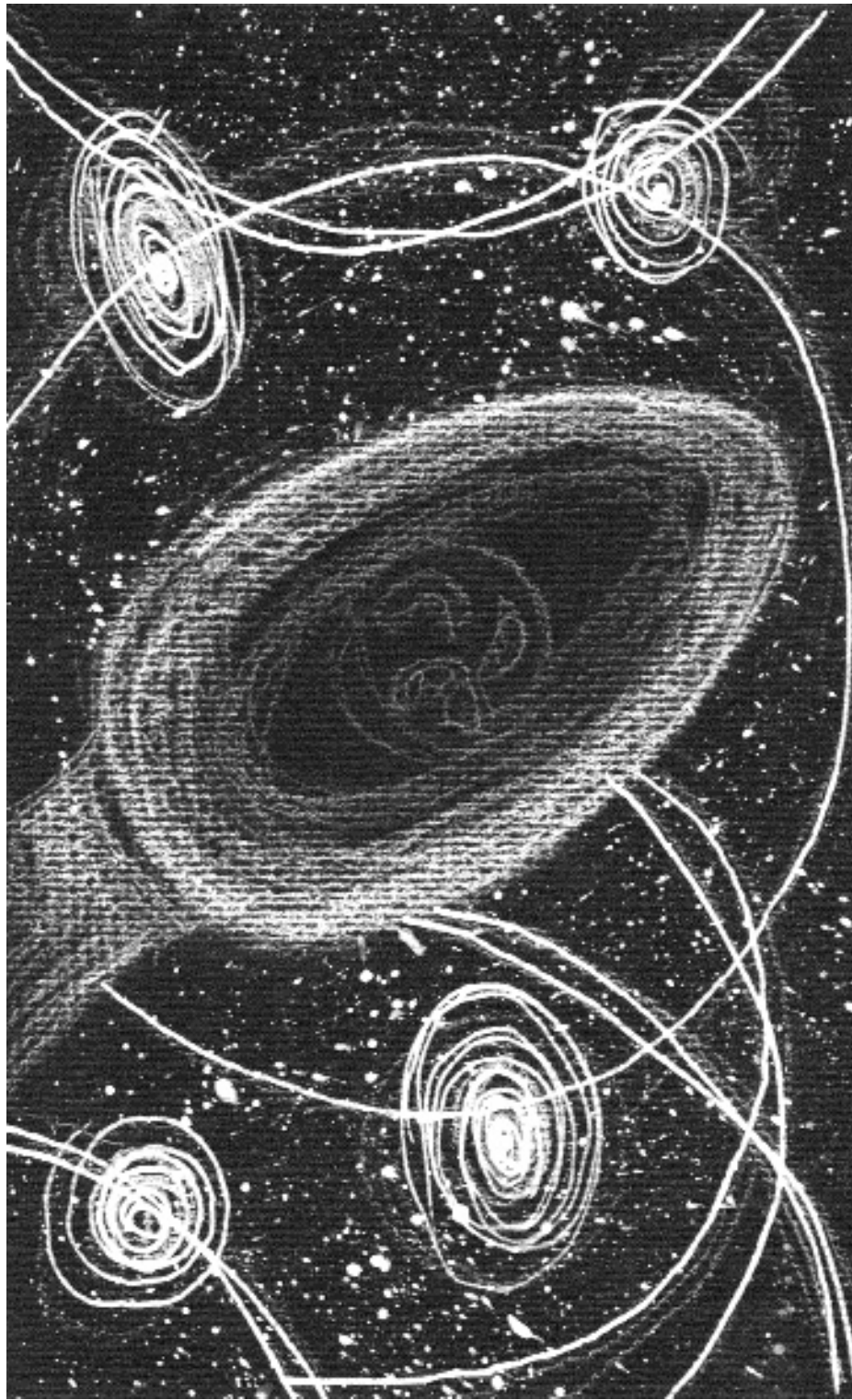
Попов повиновался. В десятке метров от сарая показались Костя, уполномоченный Ковальчук и несколько автоматчиков. Они тут же побежали к учительской лаборатории, из глубин которой неслось:

— Жизнь ваша тупа и бессмысленна. Вы обречены. Но агонию эту мы прервём! Всё чрезвычайно просто — нехватка, сударь, жизненного пространства, такая вот банальность, — гуманоид взмыл вверх. Сфера медленно поднималась над крышами домов. Она явно не была предназначена для полёта. Покачиваясь, словно бочка на волнах, она с трудом преодолевала высоту.

— Огонь! Смерть шпионам! — заорал Ковальчук. Село накрыла волна пулеметно-автоматного треска. Пули прошли сферу насквозь. Через мгновение вспышка белого пламени озарила небо.

3.

В жестяном абажуре желтела запыленная лампа. Над столом уполномоченного в мутных сумерках угадывался зловещий лик Вождя. Портрет не



был охвачен конусом света и не посвящённому было бы трудно определить, кто на нём изображён. Но Попов, пятый час переминающийся с ноги на ногу, хорошо знал явленного в образе. Он с тоской понимал, что вляпался в безнадёжную историю. К тому же физическая немощь — результат конвейерного метода допроса — начинала сказываться. Ноги отяжелели, по ним время от времени пробежала нервная дрожь.

— Плоскостопие, — прервал молчание пучеглазый подполковник из-за стола.

— Так точно, Игорь Осипович, — отозвался Ковальчук, пристроившийся на подоконнике. — Он тут в тылу отсиживался, когда мы с вами кровь на фронтах проливали.

Подполковник ухмыльнулся. Левая рука невольно погладила ряды орденских планок на груди. Его линия фронта проходила на Колыме, в Дальстрое. Это уже много позже удалось перебраться в Ростов. Получив очередной чин и должность заместителя начальника оперативного отдела, он рьяно взялся на новом поприще за врагов народа. И теперь лично прибыл в Дубовку, чтобы поставить точку в шпионском деле.

Подполковник вынул из папки листок бумаги и зачитал:

— «Мною, Константином Баскаковым, по поручению главара фашистского подполья был встречен шпион американской разведки и препровождён в село Дубовка. По заданию резидента Попова я должен был доставить его на явочную квартиру, то есть в учительский сарай. Однако совесть советского человека взяла своё, и я привёл его к уполномоченному младшему лейтенанту Ковальчуку. Попова же знаю давно. Ещё в 1935 году он завербовал меня и принудил быть связным у врагов рода человеческого Якира и Тухачевского, впоследствии разоблачённых советскими органами». Что скажите, мистер Поповф?

— Значит, к троцкистам решили определить. Насколько я помню «Дело военных» в архиве с 37-го. Косте же

в те времена было не больше 12 лет.

Подполковник крикнул и выразительно глянул на Ковальчука. Уполномоченный съёжился. Недоработка! За такой просчёт ещё долго не видать ему местечка в районе. Между тем важный чин из города поднял с полу коробку. В ней чернели радиолампы — давнишнее увлечение техникой Попова.

— Острим? — продолжал наступление следователь. — А того не понимаем, что СССР и страны народной демократии в состоянии перманентной борьбы с диверсантами, вредителями и шпионами закалились. Вы же умный человек. К чему это закирательство. Коли есть запасные лампы, то должен быть и радиопередатчик, шифры, сеансы связи. Разоружайтесь. Вот такие, с позволения сказать, сосальщики, — подполковник обратился к Ковальчуку, что являлось элементом его игры по разоблачению шпиона, — и вызывают разного рода трематодозы. А мы этим сосальщикам на хвост-то наступим — это факт медицинский!

Из папки был извлечён ещё один мелко исписанный лист. Однако зачитать его не удалось. Дверь в светёлку скрипнула, и в образовавшуюся щель бочком протиснулся некто в зелёном комбинезоне.

— Здорово, отцы! — громыхнул он.

— Это ещё что за персонаж?! Пособник? Ковальчук!!

— Не шуми, начальник. Я за корешем своим. Был тут у вас один, в таких же шмотках, что и на мне.

Следователь опешил, а Ковальчук, тот и вовсе струхнул. Он сполз с подоконника и вдоль стеночки начал перебираться ближе к начальству. Незнакомец действительно был одет также, как и уничтоженный шпион. Он и внешне был очень похож на него. Только говорил иначе, по земному что ли.

— Мне здесь нравится, — продолжал пособник шпиона. — Уяснив, что «богатство — это блевотина судьбы», соборище оборванцев с остервенением горюдит светлое будущее. Забавно было бы глянуть на дрянь, что у вас по-

лучится. Жаль только жить в эту пору будет некому.

Попов, воспользовавшись замешательством, присел на пол. Ноги гудели. От напряжения на лбу налилась вена. В голове плавали обрывки мыслей. «Пришелец... механический «ион» летающий по воздуху... Ковальчук и какой-то чин из Ростова... шпион... ещё шпион... Так ведь они же подготовить плацдарм для нашего уничтожения сюда прибыли! Им там где-то жизненного пространства не хватает, а нас не жалко и под нож. Значит, кончилась Россия. Да что там Россия! Весь шарик наш земной кончился».

Жизни угрожали не только замечательные «органы», а нечто, что в расчёт никем не принималось. И Попову, когда времени на осмысление было чуть, становилось странным, что раньше он не задумывался над этим. Разве не удивительно его безразличие ко всё пронизывающим электромагнитным полям, к этой особой материи, проявление которой он демонстрировал на уроках. Обыденность не рождала любопытства ни в нём, ни в обучаемых. Всякий впоследствии был готов пользоваться электричеством, не понимая сути его. А пришельцы разобрались. Они поняли его нутро, определив как составляющую первоначала Вселенной. А в результате обрели могущество. И главное! Семья с пришельцами у нас одно, так утверждал шпион. А что есть мы? Из материала какого качества слеплены? То-то! Посему хорошего не жди, мыслил Попов.

Сердце учителя сжалось. Он с грустью глянул в чёрный квадрат окна, за которым слышался дождь. К ночи погода испортилась, и в глубине души нарастала досада: опять не удастся поутру надёргать с полведёрка карасиков из плодового ручья. Бог ты мой! Какая рыбалка теперь возможна?

«Сколько усилий понапрасну транжирились нами, — продолжал терзаться Попов. — Пустоты в сознании заполняются балластом. Бесполезные учения, то ли спяну сочинённые, то ли смеху ради, вдалбливаются в умы,

занимая активные ячейки мозга. Люди всё меньше задумываются о великой тайне — первоначале сухого. Главное, что занимает их — выжить в условиях искусственно созданных социальных нагромождений. И в этом стремлении они вхолостую растрачивают себя. Расплодились комиссары, философы особого рода, чекисты-юристы, экономисты, отвергающие человеческую природу, наконец, баншики!». Почему-то именно баншики вызвали негодование в учителе. Он не мог вникнуть в суть этих существ, готовых исполнять абсурдные обязанности только бы не работать.

Между тем Ковальчук пробрался к столу. Теперь ему было рукой подать до ППШ, что висел на гвозде. Но тут приоткрытая дверь растворилась шире, явив человека. Это был странный субъект в закопчённых одеждах и оплавленных до бесформенности ботинках. Под мышкой он держал небольшой иссиня-чёрный куб.

— Господа! Прошу простить меня за столь экстравагантный вид. Дело в том... Ба! Оператор! Какими судьбами, душа моя? — воскликнул он.

— Ну, в натуре, и дела тут у вас! — отозвался тип в зелёном комбинезоне. Шпионы обнялись. При этом, закопчённый сказал сообщнику, что изрядно истошился, скосив глаза на куб, и что хорошо бы поскорее убраться отсюда по добру по здорову. Можно прихватить с собою врага народа Попова, этот малый сгодится на что-нибудь. Впрочем, энергии маловато и лишний груз ни к чему. После обмена репликами в таком духе, прозвучало: «Отцы! Засиделись мы тут у вас», и пришельцы беспрепятственно удалились.

Попов лихорадочно соображал, как ему поступить. Оставаться в лапах Ковальчука и подполковника — верная гибель. Последовать за шпионами, броситься им в ноги, чтоб забрали с собой? Ну, это уж и вовсе не годится. За окном полыгнуло. Молния то была или инопланетный корабль взмыл вверх, рассуждать было некогда. Раздался звон выбитого окна и «враг народа» скрылся в ночи.

4.

Лёгкая дрожь борта убаюкивала. Несовершенная человеческая природа брала своё, требовался отдых. Пережитое за последние сутки ещё предстояло осмыслить, но не теперь. Душевные силы были на исходе.

Выскочив из окна, Попов помчался во тьму по раскисшей земле. Он не различал дороги. Неожиданно перед ним возник яйцевидный предмет. Он висел в воздухе на высоте не более двух метров заострённым концом вверх. Размеры яйца поразили беглеца: никак не меньше сарая-лаборатории. Станным образом дождевики огибали его, не попадая на серебристые стенки. Они словно наткнулись на невидимое препятствие, сквозь которое путь был заказан.

Нижняя часть снаряда отворилась, и сноп яркого света образовал пятно на грязи. Затем из люка показался закопчённый шпион и протянул руку. Попов крепко уцепился за неё. Так он оказался внутри корабля пришельцев.

Пока станция оператора наматывала витки вокруг Земли, впитывая энергию, Попову много чего было поведаано. От услышанного сделалось не по себе.

В давнопрошедшие времена, когда соплеменники шпионов ещё только обретали видимость проблемского разума, возникла демографическая проблема. Всё дело в атмосфере. Содержание кислорода в ней вдвое меньше земной. Приблизительно столько же, сколько на вершине Эльбруса. Оттого жизнь гуманоидов, как и у горцев-землян, длится дольше. Отсутствие ионизирующего излучения, нормальное атмосферное давление и постоянная гипоксия сформировали крепкие организмы аборигенов. Гомеостаз, а значит и окислительные процессы, замедлились. Температура их тел на полтора градуса ниже людской. Все эти факторы сказались на продолжительности жизни, которая втрое длиннее, чем даже у горцев. Рост населения поначалу нисколько не озобоил власти. Однако вскоре, когда ресурсы планеты заметно истощились, когда

появились алчные нищие и надменные богатые, когда ненависть к сорочкам возросла по сравнению ко всем прочим тварям, стало ясно, что спасение в расселении. Единожды возникшая сорная идея со временем проросла, явив план колонизации пригодной для жизни части космоса. Для экспансии были отобраны особи самых злобных наклонностей. Тем самым решалась ещё одна проблема – избавление от бедствия, загадившего обиталище. Бедствие это, всёвозрастающий порок соплеменников.

И вот вскоре, наспех собранные ферритовые челноки, нырнули в космические каналы магнитных рукавов. Земля хоть и не совсем подошла для жизни, но правителям не было дела до существ, склонных к пороку. Так, с тех пор здесь появилась псевдоразумная жизнь. И состояла она главным образом из негодяев.

По прошествии времени с демографией так и не наладилось. Но теперь цивилизация достигла могущества. В её силах сформировать нужный состав газов в атмосфере и сделать планету пригодной для жизни добропорядочных граждан. Потомков же всякого рода мошенников и прочих стерилизовать и тем самым очистить от скверны место будущего обиталища. Такой вот план.

Попов сидел у борта, обхватив голую руками, и силится приучить себя к мысли, что он вовсе не венец природы, а потомок то ли инопланетного мерзавца, то ли и вовсе грязного оборванца. Теперь как-то само собою объяснялось то безразличие людей, кое им присуще. Всё дело в генах. И хотя встречаются порой особи людского племени с пылким складом ума – это всего лишь проявление капризов биологии.

В иллюминаторе виднелась крайуха Земли. Окутанная пеленой облаков она показалась Попову отвратительной. Так, частица мироздания населенная, как теперь выясняется, живностью не лучшего сорта. Что ждёт его там? Ковальчук, следовательно, Костя? Существа с вывернутым наизнанку сознанием. С гипертрофированным

чувством патриотизма и безумным стремлением осчастливить всех кого ни попадя. Но тут учитель осёкся. Нечуждый сам толики патриотизма, ощущения принадлежности к некой сумасбродной идее, крепко вбитой в людские головы, он вдруг ощутил себя частью целого. Как он мог усомниться?! Разве дано понять ему смысл процесса, в котором он всего лишь ничтожная частичка? И только Он, тот что на портрете во френче, знает место каждому. Горькое раскаяние овладело им. Здесь, в неземной скорлупке он вдруг ощутил гармонию там, где раньше усматривал идиотизм. Даже банщик теперь казался ему чуть ли не важнейшим общественным элементом целого.

Да и есть ли причины доверять шпионам? Из каких таких негодяев слеplено человечество? Судя по намерениям пришельцев, напрашивается другой вывод. Кому ещё придёт в голову стерилизовать цивилизацию? Пусть даже и недоразвитую, но небезнадёжную. Нет! Не быть Попову человеком, коли не удастся ему помешать зловещим планам захватчиков. Зачатки спасения зрели в его изобретательной голове.

— Вы вот, что, граждане шпионы, положите-ка меня обратно, в Дубовку. Помирать, коли придётся, буду на родине, среди своих, — учитель немного подумал и добавил: — Нет, лучше ближе к станции меня высадите, у Новой Жизни. На рожон лезть неумно. Выживает, как известно, не сильнейший, но наиболее приспособленный.

5.

Попов сидел на порожке, пожёвывая папироску. Считанные минуты оставались до прибытия пришельцев. Неделю назад условились вернуть его на Землю, а после будет видно, как поступить. К этому времени станция насытится, и зло умышляющие удалятся восвояси. А коли учитель передумает, то и его заберут с собою. Такая вот фантазия взбрела в головы

шпионам — благодетельствовать последнего из землян.

Но учитель не был простаком. За то время, что он находился внутри корабля, ему удалось многое узнать об устройстве космических транспортных артерий. Но на всякий сосуд всегда найдётся тромб. И тромб этот устроить надобно в нейтральной зоне, где нет воздействия полюсов на мчащийся корабль. И тромбом будет сама обездвиженная станция, лишённая потенциала. Она же будет и могилой для него и врагов.

Попов сообразил, что магнитную проницаемость ферромагнетика — оболочку корабля — легко снизить, подогрев её до температуры, близкой к 100 градусам по Цельсию. Тогда движение снаряда в канале замедлится, а в нейтральной зоне он и вовсе остановится, так как скорости не хватит преодолеть этот участок. Таким образом, станция превратится в пломбу, за которой надёжно будет скрыта Солнечная система.

За прошедшие дни, что он провёл в брошенной паровозной мастерской на станции Новая Жизнь, ему удалось собрать тепловое устройство. В дело пошёл параболаид из прожектора брошенного ржаветь американского декапода. Обладая высоким альбедо, он отражал направленный свет от керосиновой лампы в направлении линзы. Дело оставалось за малым — установить устройство так, чтобы сконцентрированный тепловой луч мог продолжительное время обогревать оболочку. Причём внутреннюю её сторону. Но как это незаметно устроить в голову ему не приходило.

Послышался паровозный выхлоп отработанного пара. Попов поднял глаза и в сотне метров увидел не декапод, а яйцо инопланетян. Оно висело над землёй, не требуя видимой опоры. Время вышло. И тут в голову учителю вползла горькая мысль: как всё это знакомо, брат на брата, сын на отца. Ему предстоит ценою собственной смерти убить пришельцев, по сути таких же людей, как и он сам, и так предотвратить страшное — поголовное уничтожение человечества. А челове-

честву и дела до него, Попова, нет. Человечество в лице Ковальчука с подполковником только и ждёт, чтоб поскорее кровь ему пустить. Однако чувствовать себя спасителем ему не хотелось. Что-то было в этом напускное, ложное.

Дни, проведённые в отшельничестве, недоброй печатью отразились на облике учителя. На его остервеневшем лице мясника трудно было заподозрить работу мысли. Оно выражало звериную готовность к борьбе за существование. И в этой готовности, в глазах угадывался смысл. Попов глянул на высыхающую лужу и почувствовал насыщение атмосферы миазмами. Их незримое присутствие угадывалось по восходящим воздушным струям с поверхности коричневой воды. Он подтянул правую ногу, и тут же

его поразил укол в распухшем большом пальце. Малейшее шевеление им причиняло боль. Все прочие суставы ревматически ныли. Казалось ещё немного и от его решимости не останется и следа.

Люк в яйце отворился, и Попов, тяжело вздохнув, бросил взгляд на преструю рванину, под которой был укрыт аппарат. «Однако, как сложно, — подумалось ему, — предстоит уничтожить себя и шпиков. Не проще ли в означенное время запалить канистру керосина». Пришедшая мысль развесялила его. Целую неделю он бился над тепловой пушкой, а проблема и выеденного яйца не стоит. Прихватив горючее, он окинул взглядом окрестности, прощаясь. Потом решительно шагнул к кораблю.

ОБ АВТОРЕ:

Петр Николаевич Ртищев родился в 1959 году в городе Красноярске в семье военного (поэтому пришлось пожить в разных районах бывшего СССР – от Крыма до Омска). Высшее образование получил в Московском Электротехническом институте связи; кандидат технических наук. Четыре года отслужил в рядах ВС СССР; работал мастером (затем начальником участка) по строительству линейных сооружений городской телефонной сети, начальником цеха связи тропосферной связи на полуострове Ямал, инженером в НИИ им. Курчатова и др. С 1991 года руководит рядом мелких предприятий, занятых на поприще проектирования и строительства коммуникаций.

Рассказы П. Ртищева публиковались в журнале «Знание–сила» и другой периодике.